УДК 913(572.5)

ЭТНИЧНОСТЬ И ЯЗЫК ГОРОДА БИШКЕКА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Чотаева Ч.Д.

Американский университет Центральной Азии, Бишкек, e-mail: cholponchtv@gmail.com

Статья изучает этно-демографические и языковые изменения в г. Бишкеке в советский и постсоветский периоды, в особенности те факторы, которые внесли вклад в формирование полиэтнического и двуязычного общества в Кыргызстане. Если в советский период индустриализация, коллективизация, культурная революция и этнические депортации кардинально изменили этническую ситуацию в г. Бишкеке, то главными факторами этнических изменений после независимости стали эмиграция русских, татар, немцев и других некоренных этнических групп на свою историческую родину и внутренняя миграция кыргызов из регионов и сельской местности в Бишкек. В то же время язык является не только средством коммуникации, но и важным маркером этнической идентичности. В советское время, русский язык был официальным языком СССР, а также основным языком г. Бишкека. Он был языком межэтнической и внутриэтнической коммуникации. Однако после независимости языковая ситуация изменилась. Кыргызский язык стал языком этнического большинства в г. Бишкеке. Несмотря на это, русский язык сохранил свои позиции языка высшего образования, науки и межэтнического общения, что доказывают результаты социологических исследований 2003 и 2010 гг.

Ключевые слова: полиэтническое общество, этничность, этническая группа, этническое большинство, советский период, постсоветский период, перепись населения, социологическое исследование

ETHNICITY AND LANGUAGE IN BISHKEK CITY IN SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Chotaeva Ch.D.

American University of Central Asia, Bishkek, e-mail: cholponchtv@gmail.com

The paper studies ethno-demographic and linguistic changes in Bishkek city in the Soviet and post-Soviet periods, particularly those factors that contributed to the formation of a multiethnic and bilingual society in Kyrgyzstan. While in Soviet time, Industrialization, Collectivization, Cultural revolution and ethnic deportations cardinally changed the ethnic situation in Bishkek city, the main factors of ethnic changes after independence were the emigration of Russians, Tatars, Germans and other non-indigenous ethnic groups to their historical lands as well as the internal migration of Kyrgyz from regions and rural areas to Bishkek. At the same time, language is not only the means of communication but also an important marker of ethnic identity. During the Soviet time, Russian was the official language of the USSR as well as the main language in Bishkek city. It was the language of inter-ethnic and intra-ethnic communication. However, the language situation changed after independence. Kyrgyz became the language of ethnic majority in Bishkek city, while Russian retained its position as the language of higher education, science and inter-ethnic communication that can be revealed by the results of the sociological surveys of 2003 and 2010.

Keywords: multiethnic society, ethnicity, ethnic group, ethnic majority, Soviet period, post-Soviet period, census, sociological survey

Бишкек – столица и самый большой город Кыргызстана. Согласно официальным данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики на 1 января 2017 г., население г. Бишкека достигло одного миллиона человек, что составляет одну шестую часть всего населения Кыргызской Республики, в которой проживает шесть миллионов человек [1].

Бишкек был основан в 1878 г. В 1924 г. Бишкек стал административным центром новообразованной Кара-Кыргызской автономной области. В 1926 г. он получил статус столицы Кыргызской Автономной Республики. В 1926 г. г. Бишкек был переименован в г. Фрунзе в честь известного командующего Красной Армии Михаила Фрунзе, который родился в этом городе. В 1936 г. он стал столицей Кыргызской Советской Социалистической Республики, одной из пятнадцати союзных республик СССР.

В настоящее время Бишкек является полиэтническим городом, в котором проживает более 80 этнических групп. Население Бишкека представлено следующими этническими группами: 72% кыргызов, 18% русских, 1,6% уйгуров, 1,3% узбеков, 1,3% корейцев, 1,2% татар, 1% казахов, 0,6% украинцев, 0,5% дунган и 2,5% других этносов [1].

Данная статья имеет целью изучить изменения, которые произошли в этнической и языковой ситуации г. Бишкека в советский и постсоветский периоды и выявить те факторы, которые способствовали формированию полиэтнического и двуязычного общества в Кыргызстане и г. Бишкеке на основе анализа официальной этноязыковой политики и результатов социологических исследований 2003 и 2010 гг.

Этничность и язык в советский период

Формирование полиэтничного общества началось еще в досоветский период и особенно усилилось после установления советской власти в Кыргызстане. Первая советская перепись 1926 г. зафиксировала почти 36,000 человек в Бишкеке [Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Киргизская ССР]. Среди них русские составляли почти 70 %, узбеки – 5,5 %, украинцы – 5,5 %, кыргызы – 4,6 %, татары – 3,6 %, дунгане – 3,3 % и другие этничности – 8 % [2].

Основная масса славянского населения появилась в Кыргызстане в результате миграционной политики, инициированной и регулируемой центральной властью. Согласно ей, инженеры, рабочие, ученые и артисты славянского происхождения были направлены в Кыргызстан и Центральную Азию для поддержки только что введенных в эксплуатацию заводов и предприятий, а также для развития образования, науки и искусства. Славяне главным образом осели в столице г. Бишкек и других городах и деревнях Чуйской и Иссык-Кульской областей Кыргызстана [3, с. 1216].

Увеличение численности некоренных этносов Кыргызстана было также обусловлено этническими депортациями, инициированными Сталиным в 30-х годах прошлого века. Немцы, корейцы, ингуши, чеченцы, балкарцы, калмыки, турки-месхетинцы, крымские татары и другие были насильственно переселены со своих территорий в Центральной России, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, в Прибалтике, на Западной Украине в Кыргызстан и другие республики Центральной Азии.

Уйгуры прибыли в Кыргызстан в 20-х годах XX века. Вторая волна уйгурской миграции имела место в 50–60-х годах с победой коммунистического режима и культурной революции в Китае. Большая часть их осела в городах Северного Кыргызстана.

Миграция казахов в Кыргызстан была обусловлена голодом 1933 г. в Казахстане. Многие казахи бежали в Кыргызстан. Большинство казахов разместилось в Чуйской и Таласской областях.

С конца 50-х годов усилилась внутренняя миграция кыргызов из сельской местности в города Кыргызстана. Создание новых рабочих мест на новых предприятиях и желание молодого поколения учиться в высших образовательных учреждениях заставляло их мигрировать в города. Согласно переписи населения 1959 г., кыргызы составляли 40,5 % населения в республике, из которых 13,3 % среди городских жителей и 10,4 % в г. Бишкек [4, с. 8].

Перепись 1979 г. в Кыргызстане зафиксировала наибольшую численность русских (25,9 %), украинцев (3,1 %), немцев (2,9 %) и татар (2 %) в республике [4, с. 26]. Однако в 80-х годах их численность пошла на убыль вследствие этнических миграций. Русские, украинцы, татары, немцы и другие некоренные этносы мигрировали из Кыргызстана и Центральной Азии в Прибалтийские республики, в Сибирь и на Дальний Восток. Согласно данным последней советской переписи 1989 г., население г. Бишкека в 620,000 человек было представлено 56 % русских, 23 % кыргызов, 5,5 % украинцев, 2,7 % татар и 2,2 % немцев [5].

Необходимо отметить, что этничность тесно взаимосвязана с языком. Язык является не только средством коммуникации, но и важным маркером этнической идентичности [6, 7]. Практическое использование языка в повседневной жизни приводит к усилению этнической самоидентификации индивидов [8, с. 503–504].

С момента своего основания Бишкек стал русскоязычным городом. Русские были этническим большинством в городе в отличие от кыргызов, которые в основном проживали в сельской местности. Большевики отказались от единого официального языка в стране и способствовали созданию и развитию национальных языков [3, с. 1207]. Несмотря на это, ситуация в Бишкеке оставалась противоположной. Поскольку русские составляли абсолютное этническое большинство в городе, главным языком коммуникации в г. Бишкеке оставался русский язык.

В конце 30-х годов политический курс изменился в пользу русского языка. Русский язык стал обязательным предметом во всех среднеобразовательных школах [3, с. 1216]. С изменением языкового курса в стране и в союзных республиках позиции русского языка в Бишкеке еще больше усилились. Русский стал языком межэтнического общения в г. Бишкеке и Кыргызстане, а также языком официальной документации в государственных структурах, языком науки, образования и средств массовой коммуникации.

После образовательной реформы 1958 г. изучение кыргызского языка стало необязательным. Большинство среднеобразовательных школ и высших учебных заведений в Бишкеке перешли на русский язык как основной язык обучения. Все кыргызские школы были упразднены за единственным исключением средней школы № 5, которая продолжала обучать школьников на кыргызском языке. С 1959 до 1989 г. кыргызский язык не преподавался в русскоя-

зычных школах в Кыргызстане в качестве учебной дисциплины. В результате кыргызские школьники Бишкека не изучали кыргызский язык и могли говорить на кыргызском языке только на уровне неформального общения.

Этничность и язык после независимости

С распадом Советского Союза этно-демографическая и языковая ситуация в Бишкеке существенно изменилась. В 1990 г. городу было возвращено его первоначальное название Бишкек, а этнические русские перестали быть численным большинством в городе.

В 1999 г. доля кыргызов достигла 52% в Бишкеке и впервые в истории города они стали этническим большинством [5]. Что касается русских, то они оказались вторым по численности этносом в Бишкеке. Несмотря на то, что население города в 1999 г. увеличилось до 762,000 человек, доля русских уменьшилась на 20%, с 56% в 1989 г. до 36% в 1999 г. [5].

Два фактора повлияли на изменение этнической ситуации Бишкека после независимости. Первый фактор – этническая миграция русских, украинцев, немцев, татар, казахов, корейцев и других некоренных этносов на свою историческую родину. Второй фактор – внутренняя миграция кыргызов, уйгуров, дунган, турков и некоторых других групп из других областей и сельской местности Кыргызстана в Бишкек в поисках работы, а также их высокая естественная рождаемость. В результате кыргызской внутренней миграции к 1999 г. вокруг Бишкека образовалось 17 новостроек с общим населением 95,000 человек [4, с. 84].

В период между двумя национальными переписями 1999 и 2009 годов имели место новые этно-демографические изменения. Анализируя данные обеих переписей, население г. Бишкека можно разделить на три группы.

Первая группа состоит из кыргызов, чья численность значительно возросла между двумя национальными переписями в результате внутренней миграции и высокой рождаемости. В период между 1999 и 2009 годами население кыргызов выросло с 400,000 человек до 552,000 человек, или с 52% до 60% [5].

Вторая группа представляет собой те этнические группы, чья численность резко уменьшилась вследствие эмиграции на историческую родину. Это русские, татары, казахи, украинцы, немцы и другие. С 1999 по 2009 годы численность русских сократилась с 250,000 человек до 190,000 человек, или с 33% до 23%. Численность татар уменьшилась с 16,000 до 13,000 человек, или с 2% до 1,5%. Численность казахов уменьшилась с 12,000 до 9,000 человек, или с 1,6% до 1%. Численность украинцев упала с 16,000 до 8,000 человек, или с 2% до менее 1%. И численность немцев сократилась с 5,000 до 2,500 человек, или с 0,7% до 0,3% [5].

Третья группа состоит из этносов, чья численность осталась более ли менее стабильной с 1999 по 2009 годы. К ним относятся уйгуры, корейцы, узбеки, дунгане и турки. Численность уйгуров выросла с 13,143 до 13,380 человек, или на 5% с 1,7% до 6,8%. Уйгуры стали третьей по численности этнической группой в Бишкеке. Население дунган увеличилось с 3,558 до 4,040 человек, или с 0,47% до 0,48%. Численность турков выросла с 2,277 до 3,149 человек, или с 0,3% до 0,38%. В то же время численность корейцев и узбеков сократилась с 12,710 до 12,014 человек, или с 1,67% до 1,44%, и с 12,383 до 11,801 человек, или с 1,63% до 1,41% соответственно [5].

В связи с серьезными сдвигами в этно-демографической ситуации после независимости, языковая политика и языковая ситуация также претерпели большие изменения. Эти изменения касались официальных и фактических статусов кыргызского и русского языков в Кыргызстане.

Первым изменением в официальном статусе кыргызского языка стало принятие закона 1989 г., который объявлял кыргызский язык единственным государственным языком в Кыргызстане. Закон имел две цели: политическую и языковую. В политическом отношении он был направлен на децентрализацию Кыргызстана от Москвы и был частью процесса национального строительства в Кыргызстане. В языковом плане новый закон имел целью повысить статус кыргызского языка и заполнить тот пробел, который образовался в фактическом применении кыргызского и русского языков [3, с. 1217, 1223].

Новая языковая политика нашла отражение в названии городов, поселений и улиц. Исконные кыргызские названия возвращались различным географическим объектам, в то время как русские названия переводились на кыргызский язык [9, с. 11]. Например, Киргизия стала Кыргызстаном, г. Пржевальску был возвращено первоначальное название Каракол, а Рыбачье стал Балыкчы. Основные улицы и проспекты Бишкека были также переименованы по-кыргызски. Например, улица Советская была переименована в улицу Байтик Баатыра, проспект Белинского стал проспектом Манаса, а бульвар Дзержинского стал бульваром Эркиндик.

Однако курс на де-русификацию, инициированный официальными властями Кыргызстана, не смог подорвать позиции русского языка в стране и особенно в г. Бишкеке. Русский язык продолжает сохранять свои позиции в качестве языка межэтнического общения, языка высшего образования и науки [10].

В 2000 г. новый закон о языке закрепил статус русского и провозгласил его официальным языком Кыргызстана. Вскоре изменения в статусе русского языка были внесены в Конституцию Кыргызской Республики.

Что касается кыргызского языка, то его позиции в г. Бишкеке также изменились в связи с массовой миграцией кыргызов из других областей и городов. Если ранее кыргызский язык был в основном языком внутриэтнического и внутрисемейного общения, то после независимости он стал вторым широко употребляемым языком в Бишкеке.

Новый языковой курс в направлении кыргызского языка окончательно оформился в законе 2004 г., который еще раз подчеркнул статус кыргызского языка как единственного государственного языка в Кыргызстане. Все последующие меры правительства были направлены на реализацию данного закона о языке и постепенный переход делопроизводства в государственных учреждениях и сферы образования с русского языка на кыргызский язык [11].

Этничность и язык по результатам социологических исследований 2003 и 2011 гг.

В 2003 и 2011 годах были проведены два социологических исследования, целью которых было изучение межэтнических отношений в Кыргызстане. (Социологические исследования 2003 и 2011 годов были проведены автором статьи. Социологические исследование 2003 г. были финансировано Японским Обществом по Содействию Науке, в то время как социологическое исследование 2011 г. было проведено в рамках гранта ЮНЕСКО.) Оба исследования были проведены в 5 регионах Кыргызстана: Чуйской, Иссык-Кульской, Ошской, Джалал-Абадской областях и г. Бишкеке. Всего было опрошено 1000 респондентов в возрасте от 16 лет и выше (по 200 человек в каждом регионе). Главным критерием отбора респондентов была их этническая принадлежность.

Этнические группы в обоих социсследованиях были представлены тремя основными этносами: кыргызами, русскими и узбеками. Все остальные этнические группы были вынесены в колонку «другие».

В социологическом исследовании 2003 г. приняли участие 53% кыргызов, 35% русских, и 12% других этничностей г. Бишкеке. Что касается социсследования 2011 г., то в нем участвовали 50.3% кыргызов, 30,2% русских и почти 20% других этносов.

По первому вопросу относительно родного языка, в исследовании 2003 г. 52% респондентов указали кыргызский язык, 37% – русский язык и 10% – другие языки. На такой же вопрос в исследовании 2011 г. были получены следующие результаты: 51% указали кыргызский язык, 31% – русский и 18% отметили другие языки. Конечно, среди тех, кто отметил русский язык, были не только этнические русские, но и другие русскоязычные этносы, которые считали русский язык свои родным языком. Как отметил Вахтель, многие этнические кыргызы Бишкека предпочитают говорить на русском языке между собой [12, с. 972]. С другой стороны, полученные результаты продемонстрировали, что для многих респондентов в Кыргызстане, особенно представителей кыргызского этноса, язык является важным маркером этнической идентичности.

Результаты обоих иследований 2003 и 2011 годов, показали, что большая часть респондентов предпочитают говорить на своих этнических языках в семье. Этнические языки наиболее устойчивы в семье. Однако ситуация меняется, когда речь заходит о средних и высших образовательных учреждениях, где больше респондентов предпочитают говорить на русском языке.

Согласно материалам исследования 2003 г., почти 52% респондентов были воспитаны на русском языке в семье, 44% – на кыргызском, и остальные – на других языках. По результатам исследования 2011 г., 52% респондентов были воспитаны на кыргызском, 44% – на русском, и остальные – на других языках.

Хотя язык обучения в школах часто определяется языком семейного общения, в советский период существовала тенденция отдавать своих детей в школы с русским языком обучения, что объяснялось престижем русского языка, более высоким качеством обучения в русских школах и возможностями трудоустройства после окончания школы. Такая же тенденция сохранилась и после независимости, но была обусловлена другими факторами, как например, трудовой миграцией кыргызов в Россию.

Согласно данным социсследования 2003 г., 58% респондентов обучались на русском языке в школе, почти 37% – на кыргызском и 3% – на узбекском. По исследованию 2011 г., 59% обучались на русском языке, 41% – на кыргызском и около 2% на узбекском.

Конечно, респонденты, которые обучались в русскоязычных школах, представляли не только этнических русских, но и другие этносы, включая кыргызов. Одновременно численность респондентов, которые посещали кыргызские школы, увеличилась в 2011 г., что обусловлено постепенным усилением поддержки кыргызского языка, особенно со стороны государства.

Хотя позиции кыргызского языка после независимости усилились в русле новой языковой политики, русский язык продолжал сохранять позиции основного языка обучения. По социсследованию 2003 г., 56% респондентов обучались на русском и 10% на кыргызском языках. В исследовании 2011 г., 74% получили высшее образование на русском языке и 17% – на кыргызском языке из 82% респондентов с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием.

Похожая ситуация в трудовых коллективах. По данным социсследования 2003 г., почти 63% респондентов говорили на русском языке на своем рабочем месте и 21% – на кыргызском. По данным исследования 2001 г., почти 62% говорили на русском и 35% – на кыргызском языке. Можно заметить, что 8 лет спустя больше людей стали употреблять кыргызский язык на своем рабочем месте, хотя это практически не повлияло на предпочтения тех респондентов, которые продолжали говорить на русском языке.

Заключение

Различные факторы обусловили развитие полиэтнического общества в г. Бишкеке. Индустриализация, коллективизация, культурная революция, этнические депортации кардинально изменили этническую ситуацию в городе в советский период. Однако главными факторами этнических изменений после независимости стали эмиграция русских, украинцев, татар и других некоренных этносов на свою историческую родину и внутренняя миграция кыргызов из областей и сельской местности в г. Бишкек.

В советское время русский язык был языком межэтнического и внутриэтнического общения в городе. Однако после независимости языковая ситуация изменилась. Кыргызский язык стал языком этнического большинства города. Тем не менее русский язык продолжает оставаться вторым по употреблению языком в Бишкеке. Он сохраняет свои лидирующие позиции в качестве языка высшего образования, науки и межэтнического общения. Хорошим доказательством служат материалы социологических исследований 2003 и 2011 гг.

Список литературы

1. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie (дата обращения: 23.03.18).

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года: Киргизская АССР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rare-books.net.kg/ru/view/30 (дата обращения: 20.03.18).

3. William Fierman. Identity, Symbolism and the Politics of Language in Central Asia // Europe-Asia Studies. – 2009. – vol. 61, no. 7. – P. 1207–1228.

4. Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. – Бишкек, 2000. – 91 с.

5. Вторая национальная перепись населения Кыргызстана 2009 года. – Бишкек, 2009 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stat.kg (дата обращения: 23.03.18).

6. Guanglun Michael Mu. A meta-analysis of the correlation between heritage language and ethnic identity // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2015. – vol. 36, no. 3. – P. 239–254.

7. Carmen Fought. Language and Ethnicity. Forth Printing. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 249 p.

8. Jolien Geerlings, Maykel Verkuyten, and Jochem Thijs. Changes in Ethnic Self-Identification and Heritage Language Preference in Adolescence: A Cross-Lagged Panel Study // Journal of Language and Social Psychology. – 2015. – vol. 34. no. 5. – P. 501–520.

9. Jacob M. Landau, Barbara Kellner-Heinkele. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy. – N.Y.: I.B. Tauris, 2012. – 288 p.

10. Дербишева З. Языковая ситуация в Кыргызстане // Russian Language Journal. – 2009. – vol. 59. – P. 49–58.

11. Токтогонова Г.К. Реализация языковой политики в Кыргызской Республике // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – № 4. – С. 58–61.

12. Andrew Baruch Wachtel. Kyrgyzstan between Democratization and Ethnic Intolerance // Nationalities Papers. – 2013. – vol. 41, no. 6. – P. 971–986.